

ВОПРОСЫ ФИЛОСОФИИ

№ 12

НАУЧНО-ТЕОРЕТИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ
ИЗДАЕТСЯ С ИЮЛЯ 1947 ГОДА
ВЫХОДИТ ЕЖЕМЕСЯЧНО

2022

МОСКВА

СОДЕРЖАНИЕ

С.Н. Корсаков – К документальной истории журнала «Вопросы философии».....5

Философия и наука

Ю.В. Наточин – Философия физиологии..... 17

А.М. Орехов, М.Л. Ивлева – Современная социальная онтология:
в преддверии «пятой программы»..... 28

М.А. Суцин – Теоретические комплексы в когнитивных науках.....40

Экспериментирующий коллективный субъект: культурно-историческое и социальное измерения познания Материалы международной конференции

Е.Н. Мотовникова – Функциональный коллапс в социальном эксперименте.....52

П.А. Ольхов – Топика эксперимента в исторических науках
(герменевтико-эпистемологические контуры)..... 57

Философия, культура, общество

Ли Чжи Ён – «Фауст-кантата» Альфреда Шнитке и философия полистилистики.....62

И.Д. Осипов, А.Е. Рыбас – Культура как предметность и горизонт философского
мышления в постсоветской России (петербургские сюжеты)..... 73

Е.О. Труфанова, Ш.Дж. Хан – Трансформации культурной идентичности
в цифровую эпоху..... 84

С.А. Бочкарёв – Сравнительное правоведение и его гносеологический потенциал
в период брожения смыслов о праве (размышление над книгой)..... 95

Из истории отечественной философской мысли

Н.А. Дмитриева – Полемика и популяризация: аспекты ранней рецепции Канта в России.....	105
Е.И. Лютко – Нормация священника в России Нового времени: генезис процесса и основные этапы.....	114
И.И. Евлампиев – Загадочная религиозность М.Ю. Лермонтова.....	126
Т.Г. Щедрина, И.О. Щедрина – «Жажду бесед с Вами»: переписка Романа Якобсона и Николая Жинкина.....	137
Переписка Романа Якобсона и Николая Жинкина. Публикация Т.Г. и И.О. Щедриных.....	141

История философии

Д.Е. Михайлов – Современная техника как шифр трансценденции: новый подход к постфеноменологической теории технологической медиации через призму метафизики Карла Ясперса.....	148
Г.Т. Кабулнязова – Спонтанно-образная память в творчестве Анри Бергсона и в суфизме (сравнительный анализ).....	159

Философия Индии

С.Л. Бурмистров – Мадхьямака и адвайта-веданта об онтологии времени.....	168
А.В. Парибок – Необходимость трех профессиональных ракурсов при работе с санскритскими текстами по йоге как философии.....	180
Е.А. Битинайте – Виноба Бхаве – между Божеским и человеческим. Размышления над книгой «Ведомый любовью. Воспоминания Винобы Бхаве».....	192

Из редакционной почты

И.Ю. Владимиров – Реконцептуализация инсайта: инсайт как преодоление фиксированности.....	201
С.С. Горбунов – Асоциальность этики Альберта Швейцера: факт или миф?.....	212
А.О. Захаров – История на грани, или Задачи историков в сетевую эпоху.....	218
Contents.....	223

Культура как предметность и горизонт философского мышления в постсоветской России (петербургские сюжеты)*

© 2022 г. И.Д. Осипов^{1**}, А.Е. Рыбас^{2***}

^{1,2} Санкт-Петербургский государственный университет,
Санкт-Петербург, 199034, Университетская наб., д. 7-9.

^{**} E-mail: idosipov@mail.ru

^{***} E-mail: a.rybas@spbu.ru

Поступила 07.07.2022

В статье рассматриваются возникновение, варианты обоснования и критика культурологии – новой науки, появившейся в России в 1990-е гг. Преимущественное внимание уделяется анализу дискуссий петербургских философов вокруг культурологии, ее проблемного поля и методологии, представлены позиции ведущих культурологов Санкт-Петербурга: М.С. Кагана, Ю.Н. Солонина, В.В. Савчука, Е.Г. Соколова и др. Авторы полагают, что культурология была наиболее заметным и интересным явлением постсоветской философии, поэтому изучение ее истории позволяет лучше понять существо эпохи в целом. Отстаивается тезис о том, что постсоветский период в развитии русской философии в настоящее время можно считать завершенным, а это ставит перед историками русской мысли соответствующие задачи, среди которых задача уяснения причин истощения идейно-теоретического и творческого потенциала постсоветской мысли является наиболее важной. Не менее важной является задача осмысления позитивного содержания постсоветской философии, потому что оно, по всей видимости, будет определять перспективы и проблематику русской философской культуры. Показывается, что с момента создания культурологии среди петербургских философов и культурологов преобладало критическое отношение к проекту этой науки, тем не менее предпринимались попытки оправдать культурологию, доказать ее важность для русской культуры. Делается вывод о том, что завершившийся постсоветский этап истории русской философии, несмотря на характерное для него «европейничанье», сумел стать органичным звеном в поступательном развитии философской культуры России.

Ключевые слова: культурология, русская философия, философия культуры, петербургская философия, постсоветская философия.

DOI: 10.21146/0042-8744-2022-12-73-83

Цитирование: *Осипов И.Д., Рыбас А.Е.* Культура как предметность и горизонт философского мышления в постсоветской России (петербургские сюжеты) // Вопросы философии. 2022. № 12. С. 73–83.

* Исследование подготовлено при финансовой поддержке РФФИ, проект № 20-011-00144 «Теоретическое наследие философии в Ленинграде – Петербурге. Вторая половина XX века», реализуемый на базе Санкт-Петербургского государственного университета.

Culture as the Subject Matter and Horizon of Philosophical Thought in Post-Soviet Russia (St. Petersburg Approaches)*

© 2022 Igor D. Osipov^{1**}, Aleksandr E. Rybas^{2***}

^{1,2} Saint-Petersburg State University,
7-9, Universitetskaya nab., St. Petersburg, 199034, Russian Federation.

** E-mail: idosipov@mail.ru

*** E-mail: a.rybas@spbu.ru

Received 07.07.2022

The article considers the emergence, variants of justification and critique of culturology, a new science which appeared in Russia in the 1990s. The main attention is given to the analysis of discussions of St. Petersburg philosophers around culturology, its problem field and methodology. The positions of the leading culturologists of St. Petersburg M.S. Kagan, Yu.N. Solonin, E.G. Sokolov, and others are discussed. The authors are of the opinion that culturology was the most notable and interesting phenomenon of the post-Soviet philosophy; therefore, the study of its history provides a better understanding of the essence of the era as a whole. The authors argue that the post-Soviet period in the development of Russian philosophy can now be considered completed, and this sets appropriate tasks for historians of Russian thought, among which the task of understanding the causes of the exhaustion of the ideological-theoretical and creative potential of post-Soviet thought is the most important. Equally important is the task of comprehending the positive content of post-Soviet philosophy, because it is likely to determine the prospects and problems of Russian philosophical culture in future. The article shows that, since the establishment of culturology, a critical attitude towards its project has prevailed among St. Petersburg philosophers and culturologists, nevertheless there have been attempts to justify culturology and to prove its importance for Russian culture. The conclusion is made that the post-Soviet stage of the history of Russian philosophy, despite its characteristic “Europeanization”, has managed to become an organic link in the progressive development of Russian philosophical culture.

Keywords: culturology, Russian philosophy, philosophy of culture, St. Petersburg philosophy, post-Soviet philosophy.

DOI: 10.21146/0042-8744-2022-12-73-83

Citation: Osipov, Igor D., Rybas, Aleksandr E. (2022) “Culture as the Subject Matter and Horizon of Philosophical Thought in Post-Soviet Russia (St. Petersburg Approaches)”, *Voprosy Filosofii*, Vol. 12, (2022), pp. 73–83.

Современные события, обнажившие хрупкость еще недавно казавшегося крепким мира, имеют значение, далеко выходящее за рамки социально-политических реалий. Эти события, которые, заметим, стали для многих отечественных интеллектуалов полной неожиданностью и которые до сих пор воспринимаются ими как следствие

* The research was supported by the Russian Foundation for Basic Research, project No. 20-011-00144 “The theoretical heritage of philosophy in Leningrad – Petersburg. Second half of the twentieth century”, provided at the St. Petersburg State University.

государственного авантюризма, решившего воспрепятствовать логике культурного развития, между тем, заставляют задуматься о русской культуре в целом, о ее прошедшем, настоящем и будущем. Сейчас вполне очевидно, что наступило «время перемен», а это, в свою очередь, позволяет, как минимум, говорить о завершенности предыдущей эпохи. Сейчас, как и в 90-е гг. прошлого века, русская культура оказалась в ситуации кризиса, а значит, получила возможность для критической саморефлексии и творческой коррекции своих основополагающих принципов. Понятно, что все это нельзя объяснить никаким «авантюризмом», не изменяя истине: то, что происходит в настоящее время, обусловлено более глубокими причинами, исследование которых непременно выводит на уровень анализа фундаментальных механизмов культуры.

Для историка русской философии недавние события интересны в том плане, что они знаменуют собой окончание определенного этапа в развитии русской философии. Этот этап можно назвать «постсоветским», имея в виду как его «промежуточность», обусловленную неизжитой зависимостью от советской философии в теоретико-методологическом и институциональном отношениях, так и его содержательный синкретизм, вытекающий из неспособности «самодеятельных» философов к самостоятельному философскому творчеству и установки на подражательность, вследствие чего в течение всего этого периода (а это целых тридцать лет) осуществлялся перманентный поиск безусловных «авторитетов» в философии, чтобы обеспечить возможность привычного «представительствующего» мышления. Завершение постсоветского этапа развития русской философии требует своего осмысления, и оно очень важно, поскольку позволяет сделать выводы не только о том, почему идейно-теоретический потенциал данной эпохи оказался исчерпанным, вследствие чего разразился кризис, но и об исторической уместности постсоветской философии, ее позитивном содержании, которое во многом определяет перспективы и проблематику русской философской культуры.

При первом же приближении к рассмотрению постсоветской философии как исторически состоявшегося этапа развития русской философии становится очевидным, что единственным позитивным результатом этого периода следует считать создание и обоснование особой отрасли философского познания – культурологии. Таким образом, анализ истории и специфики культурологии является, по сути, анализом всего этого периода или, по крайней мере, магистральных его тенденций. Сразу же следует отметить, что в начале 90-х гг. было принято говорить о *проекте* культурологии, в то время как сейчас этот проект воспринимается как вполне завершенный. Действительно, идея культурологии получила достаточное философское обоснование и была реализована в том числе и в практической сфере. В программу высшего гуманитарного образования была включена обязательная дисциплина «Культурология», были открыты соответствующие научно-исследовательские институты, отделения, кафедры и ученые советы, учреждены соответствующие научные звания (кандидатов и докторов культурологии) и т.д. Примечательно, что культурология, изначально получившая прибежище на философских факультетах, спустя несколько лет практически вытеснила собой философию, отвоевав у нее не только большинство тем, сюжетов и курсов, но и большинство студентов, а также преподавателей. Все это создавало уверенность в том, что культурология выступает если не революционным научным открытием, то, по крайней мере, многообещающим знаменем времени.

В этой связи интересно обратить внимание на основные вехи становления культурологии и ее победоносного шествия в философской культуре России последних 30 лет. Примечательно, что первые опыты «презентации» культурологии в качестве новой научной дисциплины вызывали если не насмешливое, то, во всяком случае, откровенно скептическое к ней отношение со стороны российских интеллектуалов, и прежде всего тех, кому суждено было стать отцами-основателями и главными теоретиками данной области знаний. Так, В.В. Савчук, один из ведущих представителей «культурологической» мысли современной России, прямо заявил о том, что «на рубеже 80-х гг. была найдена форма *выживания философии под видом нефилософии: культурология*»

[Савчук 2012]. Это была «вынужденная» форма мысли, которая позволяла философам, отказавшимся от «диктата жестких схем по-сталински понятого марксизма» [Там же], оставаться в кругу обсуждения актуальных проблем. Однако спустя некоторое время, по мере того как культурология все более обретала самостоятельность и популярность, пафос служения философии исчез и под личиной культуролога явилась простая посредственность. «Если отцам-основателям отечественной культурологии, – пишет В.В. Савчук, – было тесно в рамках четко очерченных границ классических гуманитарных дисциплин, в которых, замечу, они были состоятельны, как никто другой, то современные их последователи, вставшие под знамена культурологии, большей частью не могут выполнить условия дискурса традиционных гуманитарных дисциплин» [Там же]. Таким образом, «массовый поход» в культурологию стал результатом утраты «исследовательской культуры и дисциплины», он указывает на деградацию русской философии.

Эту мысль продолжает Е.Э. Сурова: «Нет такой науки, как культурология, и попытки доказать обратное оказываются несостоятельными» [Сурова 2001, 205]. «Культурология как комплексное исследование обретет свое законное место тогда, когда получит и достойных ее специалистов, которых пока, увы, исключительно мало. Поддаваясь некоторой “научной моде” и пользуясь свободой в силу еще не разработанного поля междисциплинарного исследования, культурологами называют себя все, кому заблагорассудится» [Там же, 208]. По прошествии десяти лет, однако, ситуация не изменилась, и количество «достойных специалистов» не увеличилось: «...культурология – и наука и не-наука, обладает собственным предметом (да и предмет какой-то странный!) и не обладает им, разделяет его с другими областями знания, отделена от других дисциплин и сливается с ними» [Культурология 2011, 110–111]. Сейчас, по прошествии еще десяти лет, когда культурология повсеместно признана как наука и даже не раз провозглашалась «метанаукой» [Корень 2013], непроясненность ее дисциплинарных границ остается такой же, как и 30 лет до этого. Следует заметить, что попытки представить культурологию как метанауку, универсальную науку и т.п. – это своего рода *contradictio in contrarium* ее научной несостоятельности. Налицо парадокс: идея культурологии, ее возникновение, эволюция и всеобщее признание всегда были сопряжены в России с предельным скепсисом относительно ее предметности и методологии. Культурология де факто есть, но действительно ли она может быть? – вот тот вопрос, который задает себе каждый, кто намеревается отнестись к культурологии всерьез.

Рассмотрим некоторые наиболее продуманные ответы.

В.М. Межуев истоки культурологии видит в дискуссиях шестидесятников, когда на фоне хрущевской «оттепели» возникла идея модернизации официального марксизма с целью избавиться от идеологических сталинских формулировок. Дискутировались в основном те вопросы, которые не получили должного освещения в советской философии, и прежде всего – вопрос о культуре. Именно культура стала той предметной областью, которая, с одной стороны, позволяла развить незадействованный потенциал марксистской мысли, а с другой, дала основание для появления новой науки – культурологии. Согласно В.М. Межуеву, эта новая наука изначально строилась на междисциплинарном базисе и сумела привлечь к себе внимание многих исследователей из разных областей знания, что свидетельствовало о том, что культурологии суждено великое научное будущее и всеобщее признание [Межуев 2006, 280–308]. Через два года после издания «Идеи культуры», все еще разделяя данные в ней довольно оптимистические прогнозы развития культурологии, В.М. Межуев, участвуя в круглом столе «Культурология как наука: за и против», утверждал: «Я думаю, что культурология рано или поздно придет на смену экономическим и политическим наукам, может быть, даже и самой философии... Когда общество будет жить и развиваться по законам культуры, культурология, несомненно, станет ведущей отраслью научного знания» [Культурология 2008, 30]. Однако еще через два года позиция В.М. Межуева резко изменилась: он стал говорить о том, что культурология уже не нужна, что она

не может конкурировать с философией, что культура вообще не представляет собой особой предметности, которая не может быть исследована традиционными философскими средствами, и поэтому все, что нужно для изучения культуры, обеспечивается рядом частных наук, таких как антропология, философия, история, искусствознание, литературоведение и др., а значит, если «суммировать» эти науки, то для культурологии места не останется [Культурология 2010, 108]. Таким образом, культурология, изначально истолкованная В.М. Межуевым как бегство от марксизма в пространство актуальной мысли и таким образом оправданная в глазах постсоветского читателя, оказалась бегством в никуда. По мере уменьшения зависимости от марксизма все более очевидной становилась эфемерность культурологии, ее научная несостоятельность.

М.С. Каган рассматривает появление культурологии, доказывая ее уместность и необходимость, в контексте логики развития мировой философии. Он выделяет три большие эпохи интеллектуальной эволюции человечества: теоцентризм, натурацентризм, социоцентризм, представляющие собой устойчивые конфигурации знания, определяющего все аспекты жизни человека. Если для эпохи теоцентризма «наукой наук» была теология, а для натурацентризма – естествознание, то для эпохи социоцентризма системообразующим становится обществознание. И тут же «всплывает» сложность человека, элемента социума, обусловленная тем, что человека нельзя понять вне контекста культуры. «...уже в XX веке становилось все более ясным, – пишет М.С. Каган, – что изучение общества как системы социальных отношений, в которой протекает человеческая жизнь, будучи безусловно необходимым, оказывалось отнюдь не достаточным для понимания *самого человека* – самой сложной системы из всех, известных науке, ибо ее существование не укладывается ни в социальные, ни тем более в природные, биологические закономерности, ни даже в единстве тех и других, но требует включения в этот *биосоциальный контекст* третьей силы – *культуры*» [Каган 2001, 11]. Таким образом, обнаруживается новая предметная область познания – культура, для изучения которой нужна новая наука – культурология.

Обосновывая этот тезис, М.С. Каган проводит «онтологический анализ» наличных «форм бытия» и различает четыре основные формы. Это: 1) *природа*; 2) *социум* (сверхприродная форма бытия, возникшая на определенной ступени развития природы, но существующая по своим законам); 3) собственно *человек* (он является отдельной формой бытия, поскольку объединяет в себе природные и социальные свойства и закономерности); 4) *культура*, «являющаяся изобретением и плодом деятельности человека, превращающая его двустороннее био-социальное существование в трехстороннее – *био-социо-культурное*» [Там же, 12]. Культурология, занимающаяся изучением культуры как особой формы бытия, должна обладать собственной методологией, потому что знание о культуре не является простой суммой данных, полученных в сфере других наук – биологии, психологии, социологии, культуроведения, философии и т.д.

Однако, переходя от размышлений о культурологии как о проекте (о том, какой эта наука должна быть и чем она должна заниматься) к характеристике культурологии как состоявшейся дисциплины, М.С. Каган дает все больше оснований считать, что и его отношение к «новой» науке также становится скептическим. Дело в том, что культура – это сложнейшая система, изучение которой нельзя доверить какой-то одной науке. Здесь необходимы междисциплинарные исследования, а чтобы результаты этих исследований могли быть сведены в одно целое и проанализированы в их органической взаимосвязи и взаимодействии, требуется особый подход, предполагающий выход за границы культуры как одной из форм бытия. М.С. Каган все больше склоняется к мысли о том, что с такой задачей может справиться только синергетика. Что же касается культурологии, то единственным способом сохранения ее научности является опора на синергетический подход. По сути, это означает, что культурология не имеет собственной методологии, адекватной сложности тех задач, которые возникают в процессе познания культуры, и должна превратиться в синергетическую культурологию, то есть в науку вспомогательную, вторичную. В последних своих работах М.С. Каган обращается преимущественно к синергетике и практически перестает заниматься культурологическими сюжетами.

Ю.Н. Солонин, который «стоял у истоков отечественного культуроведения, участия в его дисциплинарной легитимации и во многом предопределив контуры – организационно-практически и научно-теоретически, а также и дисциплинарно-стилистически – развития этого направления гуманитарной мысли у нас в стране» [Соколов 2021, 480], обосновывает культурологию, выводя ее проблематику из проблематики философии культуры. Традиционное и привычное разделение предметности знания на «мир природы» и «мир свободы» уже не может считаться полным, поскольку в среде гуманитарных наук выделилась особая «наука о культуре», важнейшей проблемой которой является *проблема ее «онтологической данности»* [Солонин 2001, 195]. Так, если «ученый, представляющий естественнонаучный рационализм, избалован интеллектуальным комфортом» [Там же, 194], потому что он опирается на авторитет и колоссальные успехи естественных наук, а значит, избавлен от необходимости искать объект своего исследования и обосновывать его наличие, кроме того, имеет выверенные методы познания, то ученый-гуманитарий по мере уяснения того, что культурные феномены существуют в ином смысле, чем предметы естественного мира, и, следовательно, требуют для своего изучения совершенно других подходов, все больше сомневается в том, что результаты его познавательной деятельности могут быть овеществлены, воплощены в предметности или вообще как-нибудь объективно зафиксированы. В результате культура как предмет научного изучения как бы исчезает; вернее, в нем начинают видеть продукт свободного воображения. «Мы предлагаем, – пишет Ю.Н. Солонин, – оценивать воображение значительно шире, именно как конституирующую способность, благодаря которой устанавливается мир культурной предметности (ценностей)» [Там же, 199]. И далее: «С помощью деятельности воображения конституируется культурная картина человека; он активизирует эффективные действия ценностей, не имеющих наличного бытия, создает механизмы транспортировки ценностей в традиции и хранит образно-ценностную структуру культурных отношений, делая их значимыми как реальность» [Там же, 200].

Получается, согласно Ю.Н. Солонину, что культура как реальность – весьма условна и поэтому вариативна, здесь нет такой предметности, которая бы позволила надеяться на выработку общезначимых положений, методов исследования или хотя бы принципиальной позиции. Эта реальность создается гуманитарными науками, поскольку «они постигают культуру, но постигая – творят. Они вырабатывают виденье, на основе которого культуролог узревает мир, формирует понимание его. Но тем самым они в определенной мере и создают свой объект» [Там же]. Следовательно, культурология зависит от гуманитарных наук, даже является, на первый взгляд, пятым колесом в телеге. Но что же тогда дает ей право на жизнь? Ю.Н. Солонин предлагает такой ответ: «Культуролог понуждаем постоянно искать, обосновывать и доказывать наличие своего предмета исследования», избегая «натуралистического редукционизма» [Там же, 195]. Именно в этом, стало быть, и состоит отличительная черта культурологии как науки. Обосновывая саму себя, доказывая, прежде всего самой себе, собственную научность и важность, культурология тем самым развивает культуру, то есть множит в ней количество воображенных сущностей и декларированных ценностей. Невольно напрашивается сравнение современной культурологии со средневековой схоластикой – по крайней мере, если смотреть на них под углом зрения заявленных и не осуществленных претензий на научность. Тем не менее Ю.Н. Солонин уверен: «Мир культуры был беднее и примитивнее до того, как в нем появился культуролог» [Там же, 200].

Заметим, что сравнение культурологии со схоластикой предпринималось не раз, в том числе и самими культурологами. К примеру, И.Ю. Ларионов в том факте, что у культурологии нет определенного предмета исследования, видит не недостаток, а преимущество, поскольку такая неопределенность, будучи сродни непредсказуемости, дает возможность «обращаться к самым неожиданным сторонам предмета, сохраняя при этом его целостность и самостояние» [Ларионов 2001, 69]. «Строго говоря, – продолжает он, – в данном случае не совсем корректным представляется само использование понятия “предмет исследования”, поскольку культуролог во многом исследует

сам себя. Прояснение собственной позиции позволяет уловить самостоятельную ценность и вместе с тем актуальность эпохи, к которой обращается исследователь» [Ларионов 2001, 70]. Таким образом, Средневековье – таинственная и вульгарно истолкованная в Новое время эпоха – может раскрыться в своей сокровенной сути именно культурологу, потому что интуитивно эта эпоха понятна ему: как в далеком прошлом, так и теперь исследователь оказывается в «особом положении, которое в своей двойственности не является противоречивым: культуролог не преступает грань собственного опыта, но сохраняет при этом корректную “отчужденную” исследовательскую позицию» [Там же]. К сожалению, И.Ю. Ларионов не проясняет, каким образом, не выходя за пределы своего опыта, можно претендовать на объективное познание. И поэтому весьма убедительным кажется вывод, логически следующий из его рассуждений, что судьба культуролога будет такой же, какой была в свое время судьба схоласта.

Интересно заметить, что наиболее конструктивные размышления о культурологии характеризуют ее в «отрицательном» смысле, то есть вместо того, чтобы описывать эту науку в содержательном плане или фиксировать ее достижения, они сосредоточиваются на перечислении того, чем культурология не должна заниматься или от чего ей следует отказаться. Таким образом, на вопрос о том, что такое культурология, отвечают, чем она не может или не должна быть, и этот ответ воспринимается как вполне адекватный. Так, А.В. Смирнов, утверждая, что «можно и должно требовать внимания к проекту построения культурологической науки заново, к проекту, имеющему своей целью построение науки» [Смирнов 2001, 157], отказывается дать хоть какую-то положительную характеристику этой науке. Вместо этого он критически разбирает «перспективы развития культурологического знания» (истолкование культуры как знакового пространства, как дискурс – волю к власти – и как миф). Ни одна из этих перспектив не гарантирует культурологии успешного развития хотя бы потому, что в западной философии все эти сюжеты уже давно оказались эвристически исчерпанными. Собственного предмета у культурологии нет, вернее, это «нечто, именуемое культурой», и А.В. Смирнов подчеркивает, что все определения культуры легче раскритиковать, чем принять [Там же, 144].

Но чем же в этом случае должны заниматься культурологи, которые действительно хотят добиться реализации своего «проекта»? Ответ такой: «Исследователю следует отвергнуть или, по крайней мере, продумать возможность отказа от ряда идеалов» – во-первых, это идеал *классической рациональности*, предполагающий, что у культуры имеется какая-то разумная цель; во-вторых, идеал *антропоцентризма*, культивирующий веру в то, что культура создана для человека и служит ему; в-третьих, идеал *гуманизма*, определяющий подчиненное положение знания по отношению к человеку, и, наконец, идеал *романтизма*, располагающий к тому, чтобы допускать наличие «тайны» бытия, определяющей и познание, и историю, и смысл человеческой жизни. Как показывает А.В. Смирнов, культура – это только форма реальности, и задавать вопрос о ее цели «несколько самонадеянно»; не культура служит человеку, но наоборот: человек есть продукт культуры, ее заложник: «...не только личность, но сама структура субъекта формируется в ходе дискурсивных практик»; знание давно поработило человека, вынуждая его быть своим носителем; никакой тайны нигде нет, а есть «лишь разрывы дискурса» [Там же, 157].

Весьма показательной является и позиция Е.Г. Соколова. Пожалуй, никто другой не высказывал столько критических замечаний в адрес культурологии – и это при том, что Е.Г. Соколов с момента появления этой науки и по сей день играет немаловажную роль в ее развитии. «Культурология, – констатирует Е.Г. Соколов, – как специфическая и самостоятельная научно-гуманитарная программа, как учебная дисциплина, наконец, как автономная область познания – изобретение совсем недавнее, постсоветско-постсоциалистическое, и полностью отечественное, не имеющее аналогов в других регионах мира как в прошлом, так и в настоящем» [Соколов 2001, 163]. Важно здесь то, что «изобретение» культурологии прямо связывается им с наступлением постсоветского

периода в истории России, что дает основание рассматривать культурологию как характерную черту постсоветской философской культуры.

Согласно Е.Г. Соколову, мы имеем дело с «постперестроечным культурологическим взрывом», который произошел в пределах крупномасштабного социального сдвига, потрясшего в последние два десятилетия XX в. Россию [Соколов 2001, 164]. Этот «взрыв», однако, не привел к каким бы то ни было кардинальным изменениям: культурная модель, существовавшая ранее, практически не изменилась. Изменился лишь «декор» системы знания, который был приведен в соответствие с требованиями актуальных идеологических установок. Наступило время «нового дизайна старых конструкций», и именно с этой целью была придумана культурология. Появившись на «пустом месте» и включенная в блок общегуманитарных и социально-экономических дисциплин, культурология получила «сверхзадачу глобалистского размаха»: «...стать своего рода наукой всех гуманитарных наук, мета-дисциплиной, венчающей собой то ли комплекс “наук о человеке”, то ли свод “человеческих наук”» [Там же, 175]. К тому же, «продукт под биркой “культурология” с самого начала рассматривался как образцово-показательный» [Там же, 176].

Однако, несмотря на поддержку власти, культурология смогла утвердиться в системе знания лишь формально, поскольку культурологи оказались вынужденными изучать то, «чего нет – “в природе”, в дискурсе, в культуре», вернее, «создавать видимость деятельности, видимость движения, видимость познания» [Там же, 172]. Беспредметность культурологии привлекла к себе в качестве специалистов разнообразных «базовых гуманитариев», которые, каждый на свой лад, стали вещать истины о культуре: «И зашумел по всей шире земли русской велеречивый, разнокалиберный и суматошный культурологический говор» [Там же].

Интересно, что Е.Г. Соколов сравнивает явление культурологии в русской философской культуре с выработкой советского дисциплинарного конструкта в 1960-е гг. – научного коммунизма: и в том и в другом случаях новая «наука» вводилась по воле государственного чиновничьего аппарата и должна была стать политико-идеологическим цензором. «Судьба научного коммунизма хорошо известна. Она очень, очень печальна! Два десятилетия безраздельного триумфа, затем – всеобщее глумление и публичный позор, и наконец – полное забвение. Это, на всякий случай, культурологам стоит помнить» [Там же, 170].

Итак, культурология, по мнению Е.Г. Соколова, – очень «скользкий проект», или, другими словами, «абсурд»: «...культурология как область познания на сегодняшний день – и, вероятно, навсегда! – не имеет, по крайней мере, двух важнейших компонентов, необходимых для того, чтобы с полным правом обосноваться в храме науки, даже только прислониться к его гносеологическим вратам, – она лишена собственных предмета и метода» [Там же, 174]. Это изначально и по существу фиктивная наука, декларированная совсем не для того, чтобы решать когнитивные задачи. Неслучайно объект культурологии, «культура» – это «все, что угодно», что на деле обозначает «ничто». Поэтому и результаты культурологических исследований не дают никакого приращения знания, а сводятся лишь к созданию бесконечных рядов фиктивных последовательностей, то есть к описанию воображенной реальности, которой никогда не суждено стать реальной. Отсюда замкнутость культурологии только на самой себе, обреченность на самоанализ и в то же время угроза обнаружения фиктивности собственной имманентности. У культурологии нет ни истории, ни будущего, она лишена логики движения и развития: «Вся так называемая история-предыстория культурологии – фикция, легенда, выдумка, некорректная подгонка отдельных разрозненных концептуальных комплексов под новомодный культурологический дизайнерский формат» [Там же, 187].

Казалось бы, приговор культурологии вынесен окончательно: это не наука, а симулякр. Или, точнее, «пост-пост-симулякр». И если, с одной стороны, такой статус культурологии указывает на ее абсурдность и вызывает критическое к ней отношение, то, с другой, он же является, согласно Е.Г. Соколову, гарантом ее действительного

признания. Оказывается, абсурдность культурологии была бы достаточным основанием для ее упразднения только в том случае, если бы мир, в котором мы живем, то есть мир «пост-постсовременный», сам не был бы абсурдным. Но мир абсурден и жизнь человеческая бессмысленна. Все «феноменально», и «бытийствующее начисто лишено бытования». В этом мире тотальных фикций, когда можно «позволить себе роскошь даже не оглядываться на реальность, не кивать в ее сторону, не замечать ее во все», именно культурология – пост-пост-симулякр – является «зародышем здравого смысла». Она подает «назидательный пример того, как можно продолжать быть, при этом полностью и навсегда утратив бытие», «как надлежит действовать, чтобы сохранить-обрести все, ничего не имея, продолжать жить, толком так и не родившись» [Соколов 2001, 189].

Вариант «спасения» культурологии при помощи отыскания в ней смысла, скрытого прежде всего от самих культурологов, предлагает и В.В. Савчук. Отмечая, что «с ростом популярности культурологии уровень рефлексии современных проблем культуры падает» [Савчук 2004, 13], и полностью признавая фиктивность этой «науки», он тем не менее призывает не спешить отказываться от нее. И причина здесь в том, что культурология – это «продукт исключительно отечественного топоса» [Там же, 11]. А это подразумевает, что ее появление в русской философской культуре хотя и может быть понято, с одной стороны, как следствие «тоталитарной системы идеологического воздействия», но, с другой, должно быть увязано с особенностями исторического пути российского самосознания. Таким образом, В.В. Савчук предлагает увидеть в новодельной культурологии то положительное содержание, которое связывает ее с вековыми традициями русской мысли.

Тот факт, что культурология «проявила свою несостоятельность в той мере, в какой она претендовала на научность, и вопреки всем попыткам, хотя поверхностным и конъюнктурным, вместить в себя принцип научности» [Там же, 14], не только не компрометирует культурологию, но, наоборот, ее оправдывает. Ведь в том, за что обычно критикуют культурологию – за ее литературность, описательность, нестрогость, невнимание к абстрактным определениям культуры и т.д., нужно видеть не недостаток, а преимущество культурологии. Вся подлинно философская традиция России характеризуется как раз этими же чертами. И сейчас, продолжает В.В. Савчук, «тяга русского гуманиста к литературе, к мистике, к истине, “уничтожающей разрыв между мыслью и сущим”, к цельности восприятия с неизбежностью приводит к вопросам, которые затрагивала культурология на этапе своего конституирования» [Там же, 12]. Отсюда следует вывод: смысл появления культурологии в том, чтобы «под видом отказа от философии (понимаемой как различные модусы западной рационалистической мысли) нелегально протащить мимо редакторской таможни русскую философскую традицию в ее реальном, а не историко-философском виде» [Там же, 13].

Таким образом, культурология является, согласно В.В. Савчуку, формой реанимации традиции русской философии. Очень хотелось бы с этим тезисом согласиться. Важно подчеркнуть, что В.В. Савчук не ограничивается всего лишь предложением очередного «проекта», а предлагает разработанную им методологию культурологическо-философского познания – топологическую рефлексию: «В топологическую рефлексю – фундаментальным условием ее осуществимости – включается особенность топографии того объекта, который подвергается рефлексии, рефлексии, которая не столько *учитывает* специфику своего объекта, сколько специфическим образом разворачивается в пространстве его существования» [Там же].

Подводя итоги всему вышесказанному, можно сделать вывод о том, что завершившийся постсоветский этап истории русской философии, несмотря на характерные для него «европейничанье», «культуртрегерство» и «эйфорию демократической невоздержанности», все-таки сумел стать органичным звеном в поступательном развитии философской культуры России. Возможно, этому способствовали создание, обоснование и прежде всего критика культурологии. Если это так, то тогда ту задачу, которая была поставлена перед российскими интеллектуалами самим ходом интеллектуальной

истории, можно считать выполненной. Во всяком случае, русская философия, пережив «смутное время» и сориентировавшись «в мире ускользающих смыслов» [Блюменкранц 2022, 12], уверенно смотрит в будущее.

Источники и переводы – Primary Sources and Translations

Каган 2001 – *Каган М.С.* Перспективы развития гуманитарных наук в XXI веке // Методология гуманитарного знания в перспективе XXI века. К 80-летию профессора Моисея Самойловича Кагана: Материалы международной научной конференции 18 мая 2001 г., Санкт-Петербург. Серия «Symposium». Вып. 12. СПб.: Санкт-Петербургское философское общество, 2001. С. 9–14 (Kagan, Moisey S., *Prospects of Development of Humanities in the 21st Century*, in Russian).

Межуев 2006 – *Межуев В.М.* Идея культуры. М.: Прогресс-Традиция, 2006 (Mezhuev, Vadim M., *The idea of culture*, in Russian).

Соколов 2001 – *Соколов Е.Г.* Мета-до-логия (методологии) культурологии // Формирование дисциплинарного пространства культурологии: Материалы научно-методической конференции 16 января 2001 г., Санкт-Петербург. Серия «Symposium». Вып. 11. СПб.: Санкт-Петербургское философское общество, 2001. С. 163–189 (Sokolov, Evgeny G., *Meta-do-logiya (Methodologies) of Culturology*, in Russian).

Соколов 2021 – *Соколов Е.Г.* Деконструкция дисциплинарной ортодоксии. К 80-летию Ю.Н. Солониной // Вестник Санкт-Петербургского университета. Философия и конфликтология. 2021. Т. 37. Вып. 4. С. 472–493 (Sokolov, Evgeny G., *Deconstruction of Disciplinary Orthodoxy. On the 80th Anniversary of Yu.N. Solonina*, in Russian).

Солонин 2001 – *Солонин Ю.Н.* Философия культуры в историко-методологическом уяснении // Формирование дисциплинарного пространства культурологии: Материалы научно-методической конференции 16 января 2001 г., Санкт-Петербург. Серия «Symposium». Вып. 11. СПб.: Санкт-Петербургское философское общество, 2001. С. 189–200 (Solonin, Yuri N., *Philosophy of Culture in a Historical and Methodological View*, in Russian).

Ссылки – References in Russian

Блюменкранц 2022 – *Блюменкранц М.А.* В мире ускользающих смыслов // Философский полилог: Журнал Международного центра изучения русской философии. 2022. № 1 (11). С. 11–23.

Корень 2013 – *Корень Р.В.* Системная культурология как Метанаука: философско-культурологические исследования // Современное образование. 2013. № 3. С. 38–69.

Культурология 2008 – Культурология как наука: за и против: круглый стол, Москва, 13 февраля 2008 года / Науч. ред. А.А. Гусейнов, А.С. Запесоцкий. СПб: Изд-во СПбГУ, 2008.

Культурология 2010 – Культурология как дисциплинарная загадка. Материалы круглого стола // Вопросы культурологии. 2010. № 11. С. 106–124.

Культурология 2011 – Культурология как дисциплинарная загадка. Материалы круглого стола // Вопросы культурологии. 2011. № 3. С. 110–123.

Ларионов 2001 – *Ларионов И.Ю.* Средневековый философ и современный культуролог // Формирование дисциплинарного пространства культурологии: Материалы научно-методической конференции 16 января 2001 г., Санкт-Петербург. Серия «Symposium». Вып. 11. СПб.: Санкт-Петербургское философское общество, 2001. С. 69–71.

Савчук 2004 – *Савчук В.В.* Культуролог в России больше, чем философ? // *Савчук В.В.* Режим актуальности. СПб.: Изд-во СПбГУ, 2004. С. 11–25.

Савчук 2012 – *Савчук В.В.* Утешение культурологией // Интелрос. 27 марта 2012 г. URL: <http://www.intelros.ru/subject/figures/valeriy-savchuk/13592-uteshenie-kulturologiey.html>

Смирнов 2001 – *Смирнов А.В.* Наука культуры // Формирование дисциплинарного пространства культурологии: Материалы научно-методической конференции 16 января 2001 г., Санкт-Петербург. Серия «Symposium». Вып. 11. СПб.: Санкт-Петербургское философское общество, 2001. С. 144–157.

Сува 2001 – *Сува Е.Э.* Культуролог как маргинал в науке // Формирование дисциплинарного пространства культурологии: Материалы научно-методической конференции 16 января 2001 г., Санкт-Петербург. Серия «Symposium». Вып. 11. СПб.: Санкт-Петербургское философское общество, 2001. С. 205–209.

References

- Blumenkranz, Mikhail A. (2022) "In a World of Elusive Meanings", *Philosophical polylogue: Journal of the International Center for the Study of Russian Philosophy*, Vol. 1 (11), pp. 11–23 (in Russian).
- "Culturology as a Disciplinary Enigma. Roundtable Proceedings" (2010) *Voprosy Kulturologii*, Vol. 11, pp. 106–124 (in Russian).
- "Culturology as a Disciplinary Enigma. Roundtable Proceedings" (2011) *Voprosy Kulturologii*, Vol. 3, pp. 110–123 (in Russian).
- Guseynov, Abdusalam A., Zapesotsky, Alexandr S., eds. (2008) *Culturology as a Science: Pros and Cons: Round Table, Moscow, February 13, 2008*, Publishing House of St. Petersburg State University, St. Petersburg (in Russian).
- Koren, Robert V. (2013) "Systemic Culturology as Meta-Science: Philosophical-Cultural Research", *Sovremennoe obrazovanie*, Vol. 3, pp. 38–69 (in Russian).
- Larionov, Igor Yu. (2001) "The Medieval Philosopher and the Modern Culturologist", *The Formation of Disciplinary Space of Culturology: proceedings of Scientific-Methodical Conference, January 16, 2001, St. Petersburg*, Series "Symposium", Vol. 11, St. Petersburg Philosophical Society, St. Petersburg, pp. 69–71 (in Russian).
- Savchuk, Valery V. (2004) "Is a Culturologist in Russia More Important Than a Philosopher?" Savchuk, Valery V., *Mode of Relevance*, Publishing House of St. Petersburg State University, St. Petersburg, pp. 11–25 (in Russian).
- Savchuk, Valery V. (2012) "Consolation by Culturology", *Intelros*, March 27, 2012, URL: <http://www.intelros.ru/subject/figures/valeriy-savchuk/13592-uteshenie-kulturologiey.html> (in Russian).
- Smirnov, Aleksey V. (2001) "The Science of Culture", *The Formation of Disciplinary Space of Culturology: proceedings of Scientific-Methodical Conference, January 16, 2001, St. Petersburg*, Series "Symposium", Vol. 11, St. Petersburg Philosophical Society, St. Petersburg, pp. 144–157 (in Russian).
- Surova, Yekaterina E. (2001) "The Culturologist as a Marginal in Science", *The Formation of Disciplinary Space of Culturology: proceedings of Scientific-Methodical Conference, January 16, 2001, St. Petersburg*, ser. "Symposium", Vol. 11, St. Petersburg Philosophical Society, St. Petersburg, pp. 205–209 (in Russian).

Сведения об авторах

ОСИПОВ Игорь Дмитриевич – доктор философских наук, профессор, профессор кафедры истории философии Института философии Санкт-Петербургского государственного университета.

РЫБАС Александр Евгеньевич – кандидат философских наук, доцент кафедры русской философии и культуры Института философии Санкт-Петербургского государственного университета.

Authors' Information

OSIPOV Igor D. – DSc in Philosophy, Professor, Head of Department of History of Philosophy of the Institute of Philosophy at the St. Petersburg State University.

RYBAS Aleksandr E. – CSc in Philosophy, Associate Professor at the Department of Russian Philosophy and Culture of the Institute of Philosophy at the St. Petersburg State University.